

О ДОВЕРИИ ВООБЩЕ И К ВЫБОРАМ В ЧАСТНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется доверие как понятие и явление. Непосредственным предметом авторского интереса при этом является доверие к выборам, в том числе причины доверия и недоверия к выборам. Согласно авторской точке зрения, доверие следует рассматривать в качестве важнейшего элемента выборов. Отдельное внимание уделено рассмотрению доверия как категории.

Ключевые слова: доверие, выборы, общество, социальное равенство, общественное доверие, гражданское общество.

ABOUT TRUST IN GENERAL AND TO ELECTIONS IN PARTICULAR

Abstract. In the article the trust as a concept and the phenomenon is analyzed. A direct subject of author's interest at the same time is the trust to elections including the reasons of trust and mistrust to elections.. According to the author's point of view, the trust should be considered as the most important element of elections. Special attention is paid to consideration of trust as category.

Keywords: trust, elections, society, social equality, social trust, civil society.

В демократических странах, особенно в молодых демократиях, вопрос доверия к выборам стоит довольно остро. Следовательно, и меры принимаются, и методы и способы повышения доверия к выборам разрабатываются соответствующие: от повышения правовой культуры избирателей, работы с молодежью, особого внимания к маломобильным гражданам при организации волеизъявления населения, немалых материальных затрат на выборы в труднодоступных местах, регулярного обучения организаторов выборов до постоянного совершенствования технических и технологических форм и поиска новых видов голосования (интернет-голосование, голосование с применением электронных средств, по почте, по мобильному

телефону и т.д.); используются возможности многочисленных внутренних, международных наблюдателей, представляющих партии, общественные организации и движения, а иногда и самих себя; повсеместно в местах проведения выборов и, особенно, в помещениях для голосования устанавливаются сотни тысяч видеокамер, работающих в режиме реального времени и превращающих в наблюдателей практически весь мир и многое другое. Но, к сожалению, при всем при том редко удается избежать различного рода послевыборных скандалов, взаимных претензий участников выборов, обвинений в адрес организаторов избирательных кампаний, административных органов, отдельных политиков — как кандидатов на выборные должности, так и тех, кто располагает (или считается, что располагает) определенным административным ресурсом для поддержки тех или иных политических сил и многого другого. Понятно, что подобные инциденты свидетельствуют о низком уровне доверия в обществе, но, чаще всего, они воспринимаются как результат недоверия к самим выборам. Нет сомнения, что здесь первое — уровень доверия в обществе — с другим — недоверием к выборам — связано напрямую. Попробуем разобраться в том, через какие взаимоотношения и взаимосвязи проходят линии определения первым второго, и как уровень доверия внутри социума действует на доверие к выборам с учетом того, что здесь влияние может быть исключительно обоюдным — обратная связь присутствует всегда.

* * *

Название статьи неслучайно содержит фразу «о доверии вообще», когда как цель настоящей работы — попытка понять причины доверия или недоверия, в том числе, и даже в основном, к выборам. Не раскрыв для себя сути понятия «доверие»¹, трудно понять, почему те или иные социальные или политические явления в одних случаях становятся для социума общим делом, в других — вызывают отторжение. Надо отдать должное обществу: оно может в течение долгого времени «водить за нос» как власть, так и всевозможных исследователей в виде целых структур, выдавая за доверие безразличие, равнодушие, притворяясь, что его вполне устраивает то или иное явление или тот или иной процесс. В качестве примера можно обратиться к трагическому завершению истории Советского Союза, когда на защиту «родной» власти (и даже «родной» партии)

¹ Хотелось бы, не дожидаясь вопросов по поводу понятия «доверчивость», поставить между ним и понятием «доверие» *знак неравенства*. Доверие более важное явление, хотя нередко при решении достаточно серьезных проблем доверчивость определенной части населения способна склонять чашу весов в ту или иную сторону. В то же время, если доверчивость ребенка может вызывать умиление, то доверчивость взрослого человека способна обернуться бедой, и не только для него самого. В отличие от доверия, которое часто опирается на опыт, доверчивость — результат эмоционального состояния, и граничит, как минимум, с безответственностью, а то и глупостью. В ее основе, если и есть мысль, то она минимальна. Если доверие — делегирование собственных полномочий, то доверчивость — отказ от них.

не вышли не только партийная и беспартийная часть населения, но и те, кто в силу занимаемых должностей обязан был ее защищать. А ведь, казалось (представлялось, преподносилось, считалось, декларировалось), что советской власти доверяли едва ли безгранично.

В предисловии к книге Френсиса Фукуямы «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» Андрей Лактионов уточняет: «Доверие, — «ключевая характеристика развитого человеческого общества, проявляющаяся как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальном (доверие к общественным институтам и государству в целом). Именно доверие определяет прогресс; успех «самореализации» конкретного общества зависит не от рыночных принципов и не от приверженности традициям, но от «одного, распространившегося повсюду элемента культуры — уровня доверия, существующего в обществе». По распространенности доверия в современных иерархических структурах Фукуяма выстраивает классификацию человеческих обществ: к группе с высоким уровнем доверия он относит «избранные», «основанные на доверии» либеральные демократии (США, Германия, Япония), тогда как традиционалистские страны (Китай, Мексика), европейские «легковесы» (Франция, Италия), равно как и страны Восточной Европы и бывшего СССР он причисляет к обществам с низким уровнем доверия»².

«Та культура доверия, которая формировалась в СССР, оказалась совершенно непригодной для формирования рыночной экономики. Официальная идеология пыталась стимулировать альтруистические чувства, но для развития хозяйства нужны трезвый расчет и ощущение взаимовыгодности складывающихся между партнерами отношений. Официальная идеология приучала к тому, что общественные интересы всегда должны доминировать над интересами личными, но в рыночном хозяйстве нужно говорить скорее о гармонизации интересов, нежели о доминировании. Парень, отправлявшийся в 1960-х годах на комсомольско-молодежную стройку, наверное, ощущал доверие к друзьям, с которыми делил одну сырую палатку, но в реалиях сегодняшней России этот человек, больной и сильно состарившийся, скорее оказывается в числе наименее адаптированных граждан. И самое главное — его плохо понимают дети и внуки, у которых доверие альтруистов, рожденное в условиях таежной романтики, вызывает лишь скептическую усмешку»³.

Небольшая ремарка: есть слова, которые по сути своей значат значительно больше, чем кажутся: «любовь», «совесть», «честь», «патриотизм» и так далее. Их не так много, при желании большую часть из них можно было бы здесь перечислить. Но какими бы они не были глубокими

² Лактионов А. От редакции: по обе стороны «линии доверия» / Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 5.

³ Травин Д. «Ребята, давайте жить дружно» / Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 721.

по своему содержанию, эти термины легко поддаются обесцениванию, иногда и осквернению. Сейчас подобные слова легко и безответственно используются в рекламных роликах, которые большей частью населения справедливо воспринимаются в лучшем случае как малозначимая информация, в худшем — как прямая ложь. Это логично, искать правду там, где целью является повышение уровня продаж, просто глупо. Но ложь преподносится посредством выражений, нередко и вышеозначенных, которыми хорошо бы дорожить. В момент, когда возникнет необходимость в их истинном значении и силе, чтобы донести до широкой аудитории (например, народу) нечто важное, они могут оказаться бесполезными. Ассоциация со словами неслучайна: автор обратил внимание на частое использование термина «доверие» в тех или иных второстепенных целях (например, в названиях банков), что может привести к искажению сути этого понятия. «Ута Ферверт, историк, серьезно изучавший доверие, проделала очень полезную работу, показав, как менялось с течением времени употребление слова «доверие» и родственных ему слов в разных европейских языках. Она, в частности, демонстрирует, как развитие конституционной демократии и рыночного общества обезличило многие наши социальные контакты; в результате и политики, и коммерческие рекламодатели постоянно пользуются словом «доверие», чтобы искусственным, по сути жульническим, способом внушить, будто личная теплота существует там, где ее нет и в помине»⁴.

Доверие как понятие и явление

Доверие — явление тонкое и часто трудноуловимое, основывающееся на множестве различных факторов, оно тяжело поддается как описанию, так и объяснению. Одно понятно, что это — внутренняя установка, истоки которой задаются в младенчестве и детстве, и такой невидимый, ненаписанный, несогласованный, никак физически не определенный договор между субъектом, отдающим некую часть собственных своего рода полномочий объекту, который нередко не о чем таком и не помышляет. То есть не требует и не просит вслух «Доверься мне», а иногда ни сном, ни духом не ведает, что ему доверили. И вроде бы не должен нести никакой ответственности, но, по мысли «доверителя», несет ее по определению. Слово «доверитель» взято в кавычки неслучайно — зачастую, особенно, при решении социальных вопросов, гражданин сам себя назначает доверителем, делегируя часть собственной ответственности чиновнику, депутату, полицейскому, а через них — власти и государству.

Японский мыслитель периода Токугавы Нисикава Дзёкен писал: «Некий человек говорит так: Трепетать перед общей для нас властью —

⁴ Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 14.

первый долг для простолюдина. «Общая» — на то общая, чтобы, согласно небесным установлениям, личного не иметь. Сын неба пребывает выше всех, он — воплощение Небесного Пути. Он трепещет перед Небом, а народ он наставляет и увещевает. Его установления и законы и есть то «общественное», что определено Небом, в сердце Сына Неба нет личного, в своем дворце он делает дела общие. Пребывая в запретном дворце, он в положенные дни справляет действия общественные. Когда люди посещают дворец, они пребывают в «общественный мир», очищенный от низкого»⁵. Японцам того времени, чтобы все сказанное принять, нужно было обладать абсолютным доверием к означенному здесь «Сыну Неба». Сегодня, когда все мы «простолюдины», и даже сохранившимся в виде раритетов королям и королевам время от времени приходится держать ответ как простолюдинам, а то и вовсе перед простолюдинами — кровь обязывает, но не решает, — убедить людей в том, что «общая власть» ничего личного не имеет, а дворцы власти «очищены от низкого», весьма проблематично.

При монархической форме правления воображается, что мы доверяем не просто монарху как человеку, а как посланнику Бога («власть от Бога»), посреднику между нами и Всевышним («Сыну Бога»), правда, на всякий случай имея в виду, что многое тут зависит от нас (половицы вроде «На Бога надейся, сам не плошай» есть у многих народов мира), при демократической — власть как бы идет на встречу народу, ритуализируя, формализируя и легитимируя передачу полномочий (доверия) посредством разного рода выборов и референдумов, и превращая доверие к себе в ступенчатое явление — люди голосуют за власть в виде отдельных ее уровней. Тем самым власть (в широком смысле) в некотором роде размывает ответственность перед обществом. Ведь при таком положении вещей она практически всякий раз может (так и поступает), перекладывая ответственность на одну из ступеней, в целом оставаться в «белом». Воспользовавшись особенностями применяемых легальных технологий, она может и обезличить себя, скрываясь за партиями, общественными движениями и группами интересов. Ярким примером служит пропорциональная избирательная система, при которой электорат голосует за партийные списки, выбирая не отдельных личностей, а некий партийный бренд, привлекательность которого часто зависит от административного ресурса, финансовых возможностей партийной структуры, лиц, выполняющих роль символов данного бренда, и довольно редко — от деяний политических партий.

Не обязательно глубоко вникать в суть различных форм правления, чтобы понимать коллективность института правителя — монарха, президента, председателя и так далее. А об однопалатных и бикамеральных парламентах с множеством депутатов и сенаторов, правительствах,

⁵ Кайбара Экикэн. Поучение в радости. Нисикава Дзёкен. Мешок премудростей горожанину в помощь / Пер. с яп. А. Н. Мещерякова. СПб., 2017. С. 158.

состоящих из множества министерств и ведомств, и говорить нечего. Означенная коллективность может выдаваться как за коллегиальность, то есть, за некую форму демократии, когда решение выносится с учетом различных мнений, так и за то же размывание ответственности — как бы все плохое происходит далеко внизу или даже рядом, но власть в целом и особенно ее вершина «вне подозрений». Зачастую решение принимается единолично, оно по своему содержанию и направлению может опираться на разные идеи, но может быть и результатом спонтанного порыва главного руководителя, в зависимости от уровня своей популярности может быть приписано разным уровням власти от «стрелочника» до «начальника». Главное заключается в том, что авторитет власти, то есть доверие к ней, должно быть непоколебимым. Но ключевое слово здесь — «выдаваться», люди голосуют за то, что и в каком качестве им видно.

Мы не будем рассматривать случаи, когда власть по той или иной причине теряет связь с реальностью, и перестает понимать место и значение общества в собственной жизнеспособности, — это один из крайних вариантов, независимо от формы правления (декларируемой и реальной), и во многих случаях является предвестником, как минимум, социальной напряженности, а иногда — и общенациональной катастрофы. Не будем, и нет смысла, потому что при подобных обстоятельствах достаточно быстро наступает точка невозврата, и наличие или отсутствие доверия перестает иметь какое-либо значение.

«Общество, где царит доверие, способно организовывать работу людей в более гибком режиме и на более коллективных началах, оно способно делегировать больше ответственности на низовой уровень. И наоборот, общество, где царит недоверие, должно огораживать рабочее место каждого частоколом бюрократических правил. При этом человек, как правило, способен более полноценно трудиться и получать от этого удовольствие, если на работе к нему относятся как к тому, кто самостоятельно и добровольно вносит свою лепту в общее дело, а не как к «винтику» в огромном производственном механизме, цель и задачи которого его не касаются»⁶. Разумеется, в идеале доверие между обществом и властью должно быть обоюдным, во всяком случае, оно должно присутствовать. Очень важно, чтобы население доверяло государству и власти. Но не менее важным моментом в их взаимоотношениях является обратное доверие власти к социуму, когда государство во всем многообразии своих институтов может полагаться на общество, рассчитывать на него при определении тактических, стратегических вопросов развития страны, необходимости ответов на те или иные вызовы времени. Обоюдное доверие между обществом и государством определяет уровень их отношений и предполагает соответствующее качество как общества, так и власти. Бездумное доверие,

⁶ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 62.

как и бесосновательное доверие, мало что значат, подобного рода доверию немного нужно для полярной трансформации вектора.

Доверительность в отношениях общества и власти — следствие не только внутреннего доверия социума (часто это одно из его качеств), но и доверия внутри самой власти. Неслучайно, в отечественной практике с недавних пор прижилось понятие «утрата доверия», по причине которой руководство страны время от времени отказывает в доверии достаточно высокопоставленным персонам со всеми вытекающими отсюда последствиями. Утрата доверия по отношению к кому бы то ни было значительно хуже, чем изначальное его отсутствие — утраченное доверие скрывает в себе множество не всегда открытых публике факторов и практически невосстановимо.

Уровень взаимного доверия между населением и государством также и во многом зависит от состояния отношений внутри всего общества. Отсутствие или наличие внутреннего доверия в обществе — весьма важный и, нередко, определяющий фактор в качестве социума. Речь идет о доверии между отдельными людьми, но оно не сильно отличается от доверия между индивидом и, например, референтной группой; отдельной личностью и обществом; гражданином и государством.

В отличие от многих других критериев повседневности доверие само по себе может быть как основой, так и результатом, как причиной, так и следствием тех или иных явлений. Оно может быть частью веками выработанной ментальности (или национального характера), внутреннего состояния общества, качеством, основательно вьезшимся в плоть и кровь населения, нации, народа в течение долгих лет совместного преодоления различных проблем, противостояния трудностям, переживания счастья и горя, а может быть внедренным моментом, опирающимся на осознанную социальную солидарность, общность целей и задач, на то же гражданское общество. Возможны и смешанные варианты. По мнению Ф. Фукуямы, «Поскольку объединение людей зависит от доверия между ними, а доверие, в свою очередь, обусловлено существующей культурой, следует сделать вывод, что в разных культурах добровольные сообщества будут развиваться в разной степени»⁷. Разумеется, доверие, это — не вещь в себе, оно вместе с самим обществом постоянно подвергается различным по роду и форме испытаниям, в одних случаях становясь еще сильнее, в других — уступая свои позиции. В современном мире, одной из основных характеристик которого является высокий уровень коммуникаций, невиданно быстрое распространение информации и проникновение ее в самые дальние и малодоступные уголки Земли, большинству этносов сложно сохранить самобытность существования, традиционный уклад

⁷ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 51.

быта, привычные темпы жизни, на которых во многих случаях доверие как явление зиждется.

Доверие не всегда зависит от уровня и качества жизни. В истории немало случаев, когда люди, едва сводя концы с концами, шли к цели, обозначенной лидером или властью (речь не о защите родины или чем-то подобном, а о более прозаических случаях). Правда, такое доверие часто недолговечно и довольно быстро может превратиться в полное недоверие, так как, с одной стороны, опорой для него выступают порывы и желания, имеющие обыкновения гаснуть и меняться в зависимости от ситуации, с другой — оно зависит от качества цели (которая при близком рассмотрении может оказаться не столь привлекательной, как представлялось) и успешности ее достижения. Да и, как говорил поэт: «Пряников, кстати, всегда не хватает на всех».

Конечно, подобные случаи — частности и не более того. Но именно из частностей состоит жизнь, к тому же в отношении явлений, подобных доверию, отдельные случаи иногда имеют гораздо большее значение, чем долгие годы их взращивания. То есть доверие — явление весьма неустойчивое. Это необходимо учитывать в большей степени власти, чем обществу. Если общество без особых проблем может обходиться без доверия власти, хотя подобное обстоятельство по определению не может не сказаться на качестве его существования, то власти без доверия социума управлять государством очень непросто. Даже если подобное недоверие обернется не социальной напряженностью (вроде бы, это самое худшее, к чему оно может привести), а банальным равнодушием, то результаты последнего вряд ли будут сильно отличаться от итогов общественного противостояния.

Скандинавский опыт доверия

Английский журналист Майкл Бут, прожив в скандинавских странах более 10 лет, рассказал о структурах гражданского общества (клубы, ассоциации, сообщества) в Дании, как об одном из важных проявлений социальной сплоченности датчан наряду с «датским коллективизмом». Он ссылается на теорию «шести рукопожатий», по которой всех людей на Земле разделяет не более пяти уровней общих знакомых, и приходит к выводу, что в данном понимании датских жителей разделяет максимум три уровня. «Когда на каком-нибудь мероприятии встречаются два незнакомых между собой датчанина, им нужно не больше восьми минут, чтобы найти либо общего друга, либо, как минимум, приятеля этого друга»⁸. И такую социальную сплоченность журналист связывает с другим фактором, с которым обычно отождествляют феномен датского

⁸ Здесь и далее текст раздела построен (там, где нет специальных сносок) на основе сведений из книги: Бут М. Почти идеальные люди: Вся правда о жизни в «скандинавском раю». М., 2017. В скобках указаны страницы.

счастья — необычайно высоким уровнем взаимного доверия. Доверительное отношение друг к другу в Скандинавских странах хорошо развито, «но сильнее всех на планете доверяют окружающим датчане. Согласно данным опроса, проводившегося в ОЭСР в 2001 году, высокую степень взаимного доверия подтвердили 88,3 процента датчан — это больше, чем в любой другой стране. За Данией расположились, соответственно, Норвегия, Финляндия и Швеция. Великобритания оказалась на зачетном десятом месте, но вот США провалились до 21-го в списке из 30 стран, где проходил опрос» (С. 52). По тому же опросу у 96 процентов датчан оказались знакомые, готовые в трудную минуту прийти на помощь; доверие датских граждан к власти, по мнению М. Бута, проявляется в 87-процентной явке на всеобщих выборах; по другим исследованиям, Дания — одна из немногих стран, где уровень доверия неуклонно растет на протяжении последних 50-и лет; а согласно ежегодному Индексу восприятия коррупции, наименее коррумпированными странами мира являются Дания и Финляндия, за ними с небольшим отрывом следуют Швеция и Норвегия⁹. *Сочетание наибольшего доверия и наименьшей коррупции* для жителей стран постсоветского пространства, да и большинства населения планеты — когнитивный диссонанс. Невольно вспоминаются истории, подобные ситуации с английскими джентльменами из известного анекдота: «вот тут мне и карта поперла!».

Судя по исследованию М. Бута, доверительность датчан, на взгляд немалого числа недатчан, граничит с доверчивостью, а то и беспечностью: в Копенгагене велосипеды привязывают и ставят на замок; а за городом незапертые дома, автомобили и велосипеды — обычная картина; датчане спокойно оставляют малышей в колясках перед входом в кафе или магазин; часто даже 6–7-летним детям разрешают самим ездить на велосипеде в школу и обратно; при этом «любая датская газета полна историй о местных мошенниках, контрабандистах, жуликах и аферистах» (С. 55–56).

Датский эксперт по вопросам общественного доверия, субъективной оценки благополучия и степени удовлетворенности жизнью (как бы я хотел, чтобы в нашей стране эксперты по подобным вопросам были востребованы) Кристиан Бьорнскоф рассказал М. Буту о провале опыта, проведенного на Центральном вокзале Копенгагена с бумажниками, оставленными на виду для выявления честности местных жителей. «У них ничего не получилось,— говорил он.— Стоило оставить где-то бумажник, как его подбирали и бежали вдогонку, чтобы вернуть!». Бьорнскоф считает, что доверие не просто сплачивает общество и укрепляет связи

⁹ Важно отметить, что к Скандинавским странам и их в определенной мере идеализации английский журналист относится с существенным скепсисом, который придает его исследованию несколько субъективно-ревностный характер. По крайней мере, по отношению к скандинавам М. Бут явно не испытывает штегета. К примеру, жители Скандинавии ему кажутся фантастически грубыми и невежливыми людьми, далекими от понимания правил хорошего тона.

между людьми, но и оказывает благотворное влияние на экономику Дании. По его подсчетам, благодаря взаимному доверию только в системе правосудия ежегодно экономится 15000 крон на человека, не менее 25 процентов ВВП страны обеспечивает социальный капитал, которого вполне достаточно, чтобы покрывать издержки государства на развитую систему социального обеспечения. Высокий уровень доверия делает работу бюрократического аппарата более прозрачной и эффективной, снижает материальные издержки и трудозатраты при деловых контактах. Юристам требуется меньше времени на подготовку дорогостоящих документов и участие в судопроизводстве. В обществах с высоким уровнем доверия эффективнее система образования — учащиеся больше доверяют друг другу и преподавателям, и это дает возможность фокусироваться на учебе. Лучше обстоят дела и в отраслях, требующих высококвалифицированного труда. Проверять, насколько добросовестно работают консультанты, архитекторы, ИТ-специалисты или инженеры-химики, дорого и сложно, и здесь доверие становится еще более необходимым. Это одна из причин, считает эксперт, по которым страны с высоким уровнем доверия (Дания, Финляндия и Швеция) так успешны в фармакологии или электронике и привлекают иностранный бизнес (С. 57–58).

Получается, что доверие еще и экономическая категория! В том-то и дело, что, рассматривая доверие как некое обособленное явление, к тому же еще и гибкое, подверженное быстрым изменениям, можно упустить из виду его многогранность — оно и экономическая, и политическая, и психологическая, и ментальная, и нравственная категория, и занимает более чем важное место в жизни как индивида и социума, так и государства. Конечно, доверием можно воспользоваться как своего рода слабостью, но, во-первых, не так много раз, во-вторых, чаще всего ценой его потери и, в-третьих, если оно работает в масштабе группы стран (имеется в виду Скандинавских), то оно явление жизнеспособное.

В поисках ответа на вопрос «Откуда взялась тенденция к взаимному доверию у датчан, насколько глубоко в их психологии склонность доверять окружающим и общинный уклад жизни?» М. Бут задается, в том числе, новыми вопросами: «Не следствие ли это пяти столетий территориальных потерь? Что первично — высокий уровень взаимного доверия или социальная сплоченность? Порождается ли взаимное доверие датчан социальной сплоченностью, общностью задач и интересов? Или наоборот, чтобы собрать людей воедино, нужно в первую очередь взаимное доверие между ними?» (С. 58–59). Масла в огонь подливает еще и эксперт К. Бьорнскоф своим высказыванием о том, что он больше доверяет шведам: «Им просто в голову не приходит, что можно соврать или обмануть» (С. 56). Все же журналист приходит к выводу, что доверие и социальная сплоченность настолько переплелись между собой, что являют собой практически единое целое. Но доверие не так сильно связано

с абсолютными цифрами национального богатства. Иначе относительно бедная Эстония не находилась бы на седьмом месте в рейтинге доверия ОЭСР, а богатая Южная Корея (не говоря уж о США) не болталась бы в конце этого списка.

Что касается самих датчан, то одни из них источником высокого доверия в обществе считают экономическое равенство — прозрачное перераспределение национального богатства через налоги, другие — что это имманентное свойство народа. Датчанам исторически были присущи высокий уровень доверия и сплоченность, а фундаментом социального обеспечения граждан Дании является социальное равенство в более широком смысле — то, которое существовало задолго до появления государственного сектора экономики и высоких налогов. Именно взаимное доверие и социальная сплоченность общества способствовали возникновению социально ориентированного государства (С. 60–61). Если упростить, то истоки взаимного доверия кроются в национальном характере датчан и доверие — их ментальная особенность. К тому же К. Бьорнскоф настаивает: «Если вы хотите перераспределять национальное богатство, то в обществе с высоким уровнем взаимного доверия это проще, поскольку здесь верят, что деньги достанутся нуждающимся (так и вспоминается ваучерная и другие формы приватизации, проведенные в некоторых постсоветских странах якобы с подобной целью, — и как это осуществлялось властью, и как это воспринималось населением. Тут и комментарии излишни. — И.Г.). Мы всегда доверяли другу другу, и это доверие — краеугольный камень социального государства. ...В сегодняшней Дании нет явных диспропорций в распределении материальных благ, и удовлетворенность жизнью достигла высочайшего уровня (С. 60).

При этом, особенно с учетом последнего предложения, нельзя забывать, что уровень налогообложения в Дании составляет около 50 процентов. Может быть, есть смысл искать истоки феномена датского (а может, и в целом скандинавского) доверия в истории о том, как в 800-х годах викинги подошли к Парижу, навстречу им вышел парижанин с белым флагом и с просьбой поговорить с их королем. В ответ викинги посмеялись: «Мы тут все короли». Все — короли, значит, все — хозяева. Следовательно, и отношение к стране хозяйское, а не отношение временщика, одной ногой находящегося в более удобных для проживания странах. Разумеется, никакого бесклассового общества у викингов не было — это миф, были и правители, и крестьяне, и рабы-пленники. Но у них был строгий кодекс чести, который и являлся основой общественного устройства. Рассказывая об этом М. Буту, доктор Элизабет Эшман Роу называет понятие чести кредитным рейтингом (по подобным качествам судили, можно ли выдавать дочь замуж за человека или нет), делающим викингов — мародеров и грабителей в духе того времени — предельно законопослушными. Исторические истоки взаимного доверия скандинавов подтверждает

исследования, проведенные в США: в штатах, куда с середины XIX века направлялись большие потоки переселенцев из Скандинавии (в основном, шведы), уровень взаимного доверия выше, чем в штатах, принимавших в основном греков и итальянцев (С. 64–66).

В Дании самые высокие в мире ставки налогообложения — только подоходный налог составляет от 42 до 56 процентов. Кроме того изымается церковный налог (1%), налог на имущество (5%), дорожный налог. Акциз на новую машину составляет 180 процентов, на топливо — 75; НДС в 25 процентов не учитывает только покупку газет; пару лет назад правительство попыталось внести налог на «жирное» — сливочное масло, бекон и т.п., которые сочло вредными (разумеется, датчане «выкручиваются», покупая продукты на «черном рынке», в соседних странах, делают какие-то мелкие попытки ухода от налогов и т.д., но это общей ситуации не меняет). Бремя прямых налогов в Дании доходит до 72 процентов. Говоря иначе, датчане свободно могут распоряжаться только третьей частью своего заработка. Зарплаты же у трудящихся Дании не самые высокие — шестое место в мире по рейтингу брутто-доходов населения. Так и хочется сказать: удивительно!

Но еще более удивительно то, что с начала 1970-х годов множество политических партий пыталось прийти к власти, выступая против высоких налогов, но ни одна из них не получила достаточной поддержки. Для многих датчан налоговое бремя — главный символ жертвенности на благо общества. Выходит, что отношение населения к высоким налогам тоже следствие социальной сплоченности, взаимного доверия в обществе, доверия к власти и т.д. Некоторые исследователи считают, что для датчан платить высокие налоги — дело чести, с одной стороны, и результат доверия к власти, с другой — люди верят, что правительство разумно потратит отданные ему деньги, испытывают воодушевление от того, что пополняют государственный бюджет (С. 79–81).

То есть, датчане уверены, что государственный бюджет, это — их бюджет! Думаю, мой восклицательный знак многих граждан Дании сильно бы удивил, но он практически всем понятен на постсоветском пространстве, но не в Скандинавии. М. Бут приводит рассказ своего знакомого о другой национальности: «Несколько шведов — коллег по работе стали собираться по пятницам, чтобы отметить конец недели бутылочкой вина. Так продолжалось несколько недель, потом один из них сказал: «Я тут подумал и понял, что это вино нужно декларировать как налогооблагаемый доход». После непродолжительной дискуссии было решено, что каждый теперь обязан декларировать по 5 крон дополнительного дохода» (С. 375). «Доверие — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами. Кое-что из этих норм относится к сфере «фундаментальных

ценностей» (например, к пониманию Бога или справедливости), однако в их число входят и такие вполне светские вещи, как профессиональные стандарты и корпоративные кодексы поведения»¹⁰.

«В 1990-х годах российский налоговый инспектор, скептически относящийся к данным о высоком уровне собираемости налогов в Швеции, спросил политолога Бу Ротстейна, как же получается его достичь. Большинство шведов, ответил Ротстейн, платят налоги, поскольку верят, что: а) так делают все остальные; б) налоговые поступления будут честно потрачены на благо общества. Инспектор заметил, что россияне, напротив, уклоняются от налогов, поскольку уверены: а) мало кто из их сограждан платит все, как положено; б) их деньги приберут к рукам коррумпированные политики и бизнесмены. Ротстейн назвал подобную ситуацию «социальным капканом»¹¹.

Министр внешней торговли Финляндии, занимающей 3-е место (за 2016 г.) в индексе коррупции Transparency International среди 176 стран (Россия — на 131-м месте), в интервью газете «Ведомости» говорит: «Даже независимость Финляндии связана с верой в закон. Сто лет назад нашим символом стала женщина с книгой законов в руках — ее пытается вырвать двуглавый орел, а она не дает ему это сделать. Хороший финн верит в закон и в то, что *все нужно делать правильно* (курсив мой. — И.Г.). — И добавляет, — Финляндия — маленькая страна, если в городе, где живет 50 тысяч людей, ты делаешь что-то неправильно, то скоро все об этом узнают, а от проблем мало куда можно будет убежать»¹².

По результатам многочисленных социологических опросов, большинство граждан Датской Республики считает, что если в казне есть излишки, их надо тратить на социальные нужды, а не снижать налоги. При этом это государство входит в тройку стран с самым высоким показателем доли государственных расходов в ВВП на душу населения (С. 81). Есть тут и свои аномалии: личные долги датчан, этих, как их называет М. Бут, «осторожных и бережливых лютеран», выражаются астрономическими цифрами. Притом государственный долг страны составляет примерно 50 процентов от среднего значения по Европейскому Союзу (средний — около 90%). Причина данной аномалии, видимо, кроется в истории. В 1694 году английский посол в Копенгагене Роберт Молсуорт в своих мемуарах «Относительно Дании» писал: «Дания — страна с ужасно высокими налогами. В результате каждый делает все, что в его силах, чтобы этих налогов избежать».

Скандинавский полуостров состоит не из одной Дании, похожая ситуация с доверием сложилась и в других странах полуострова. И, видимо,

¹⁰ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 52.

¹¹ Rothstein B. Social Traps and the Problem of Trust. Cambridge. Cambridge University Press, 2005. P. 2–4. Цитируется по Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 10.

¹² Ильина Н. Хороший финн верит в закон и в то, что все нужно делать правильно. Ведомости. № 182 (4417). 28.09.2017.

нам все же придется принять вывод о том, что доверие, если и приобретенное качество скандинавов, то таковым оно стало не вчера, и даже не позавчера. Посредством, в том числе, доверия другу к другу северные народы, о которых мы говорим с удивлением, а то и определенного рода умилением, и которые в такой же степени, как и многие другие народы мира, обладают достоинствами и недостатками, подвержены порокам и стереотипам как в отношении себя, так и по поводу других, в течение веков жили, используя доверие как средство выживания, на доверии строили взаимоотношения, им заменяли всевозможные нормы сосуществования, опираясь на доверие, защищались от неприятелей и многое другое.

Разумеется, доверие как черта национального характера и сегодня сказывается на их мировоззрении, восприятии окружающей реальности, отношении к соседним народам и остальному миру. В некотором смысле взаимное доверие вышеописанного рода, когда оно в каком-то варианте — явление самодостаточное, имеющее фундаментальную основу в общественном мнении, более того, в ментальности, еще и возвышается над самим человеком, несколько упрощает жизнь датчанам, шведам, финнам и норвежцам с исландцами. При этом оно, с одной стороны, естественно, не решает всех проблем, с другой — создает определенные трудности, ограничивая как само общество, так и отдельных граждан в психологическом, социальном, политическом и так далее пониманиях. Другое дело, что высокий уровень взаимного доверия в сочетании с демократическим общественным устройством, общим стремлением к консенсусу, социальной солидарностью, доступным, бесплатным и качественным образованием, относительным экономическим равенством в силу, в том числе, перераспределительной налоговой системы и многого другого вывел скандинавские государства на передовые позиции среди всех стран планеты.

Доверие и социальное равенство: что первично

В начале статьи при описании ситуации с доверием в Скандинавских странах неоднократно упоминается проблема равенства между людьми, как существенный фактор, или даже как один из определяющих факторов для установления доверия в обществе. Это не случайно.

В последние годы в мире рекордными темпами растет социальное неравенство. В 2015 году 62 самых богатых человека распоряжались объемом богатства, которым владели 3,6 млрд самых бедных жителей планеты. Сегодня тем же объемом богатства владеют 8 богатейших персон. 1 (одному!) проценту богатых принадлежит 51 процент мирового материального состояния¹³.

¹³ Аналитическая записка Оксфам: «Экономика на 99 процентов: пришло время построить человеческую экономику, которая приносит пользу всем, а не только привилегированным немногим»: Цитируется по: http://policy-practice.oxfam.org.uk/publications/search?i=1; page=8; q=*; q1=publications; show_all=prof; sort=publication_date; x1=page_type &gid =&owner. В 1942 году в Оксфорде (Великобрита-

Несколько международных аналитических центров объявили, что именно Россия лидирует в списке самых неравных экономик в мире. Консалтинговая компания New World Wealth ранее подсчитала, что в Российской Федерации почти две трети (62%) благосостояния находится в распоряжении долларовых миллионеров, более четверти (26%) — у миллиардеров. И по экспертным оценкам, это худший результат среди основных экономик мира. «Если миллионеры контролируют свыше 50 процентов богатства в стране, в ней практически не остается места для образования среднего класса», — поясняли исследователи. Специалисты Credit Suisse тоже присудили России первое место в рейтинге наиболее неравномерных экономик мира. По их подсчетам, 1 процент населения Российской Федерации владеет 74,5 процента благосостояния страны (на втором месте — Индия, где в руках 1 процента жителей находится 58,4% богатства страны, на третьем Таиланд — 58%)¹⁴.

Подобное неравенство, с одной стороны, вряд ли сильно волнует богатых, с другой — социальное, экономическое, политическое, психологическое и нравственное значение имеет в основном для бедных. Дело даже не в том, что как говорит народная мудрость, «сытый голодного не разумеет». Не разумеет, да знает о нем, но только если первый просто сытый. В данном случае речь не о сытости, а об уровнях, которые если и могут пересекаться, то только в фантастических и киношных сценариях. Между самыми богатыми и самыми бедными (как и между богатством и бедностью как явлениями) экономическое неравенство возводит забор, рядом с которым Великая китайская стена может выглядеть как садовый штакетник. Говорить о каком либо доверии или недоверии между ними здесь смысла нет, так как у них отсутствует всякое понимание, даже если они объединены языком, национальностью, культурой и так далее.

В международной практике используются понятия абсолютной и относительной бедности. Абсолютная бедность понимается как отсутствие достаточных ресурсов для обеспечения основных жизненных потребностей. Существуют международные, национальные и региональные черты абсолютной бедности. В настоящее время международная черта бедности, установленная Всемирным Банком, находится на уровне 1,9 доллара США

ния) небольшая группа студентов университета решила основать Оксфордский комитет по помощи голодающим (Оксфам), чтобы направлять продовольствие голодающему гражданскому населению Греции во время Второй мировой войны. По окончании войны, начиная с 50-х годов прошлого столетия, комитет не только не прекратил свое существование, но расширил работу по помощи пострадавшим в военных конфликтах и в результате стихийных бедствий по всему миру, а также начал оказывать помощь людям в беднейших странах мира, помогая им выживать в труднейших условиях. На сегодняшний день Оксфам работает по таким направлениям, как борьба с бедностью, доступ к базовым социальным благам, таким, как продовольствие, чистая питьевая вода, медицинское обеспечение и образование, а также ведет активную работу в области гуманитарной помощи, гендерного равенства, помощи развитию и борьбы с климатическими изменениями.

¹⁴ Башкатова А. Расслоение населения по доходам сейчас выше, чем в начале нулевых. Независимая газета. 17.01.2017.

в день по паритету покупательской способности. Такие крайние формы бедности, как считается, были ликвидированы в России в 2009 году. Национальная черта абсолютной бедности в России — прожиточный минимум — со второго квартала 2017 года составляет 10329 рублей на душу населения. Региональные черты бедности в России отличаются и составляют от 75 до 200 процентов от национальной черты бедности. В настоящее время 12,8 процента населения России (1 из 8 человек) имеют доход ниже прожиточного минимума. Однако, как отмечает широкий круг российских специалистов по социальной политике, в современной России содержание базовой потребительской корзины не отвечает нормам здорового питания и не соответствуют реальной структуре потребления, а ее цена существенно занижена¹⁵.

Информация об абсолютной бедности, выраженная в сухих цифрах статистики, конечно, дает определенное представление о состоянии общества, но не способна раскрыть глубину самой проблемы, состоящей из множества факторов, каждый из которых может срабатывать совершенно непредсказуемо. Ведь бедность — не только нехватка того или другого, что необходимо для нормальной (достойной) жизни, она еще и другое ее восприятие, в корне которого — отсутствие всяческих перспектив, что влечет за собой деградацию личности. О каком доверии к кому бы то ни было здесь может идти речь? С учетом того, что «личность», о которой мы говорим, далеко не в единственном числе, то бедность — проблема не только бедных людей, а социальная, более того, общенациональная проблема. К тому же картина ясна.

По утверждению директора Института социологии РАН, академика Михаила Горшкова (2013), каждый пятый россиянин обладает всеми признаками человека за гранью бедности. На 2013 год по статистике в России официально считались бедными (то есть имели доход ниже установленного прожиточного минимума) 8,8 процента населения, или 12,5 млн человек. В начале 2014 года это число увеличилось до 19,8 млн (13,8%), в I квартале 2015 года достигло 22,9 млн (15,9%)¹⁶.

Руководитель исследования «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя» (2013) доктор социологических наук, профессор Наталья Тихонова, отмечает, что в России «как никогда велика бедность работающих граждан»¹⁷. Реальные доходы населения сократились в 2014 году впервые с 1999 года. С октября 2014 года по август 2015 года доходы населения сократились на 9 процентов.

¹⁵ Irina Denisova. 2012. Income distribution and poverty in Russia. OECD Social, Employment and Migration Working Papers no. 132. Organisation for Economic Co-operation and Development. Цитируется по: Аналитическая записка Оксфам...

¹⁶ Уровень бедности в России в первом квартале подскочил до 16 процентов. Цитируется по: <http://www.interfax.ru/business/447073>.

¹⁷ Социологи РАН выяснили, почему многие россияне становятся бедными. Цитируется по: <https://news.mail.ru/society/13596758>.

Авторы доклада Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации перечисляют причины падение доходов: девальвация рубля, сокращение индексации зарплат бюджетников, ужесточение условий получения социальных выплат или их отмены и так далее. При этом зависимость доходов населения от государственного бюджета увеличивается: из-за сокращения доли зарплат удельный вес социальных выплат в структуре доходов россиян во II квартале 2015 года достиг 19,3 процента. Это на треть больше, чем до кризиса 2009 года, после которого зависимость доходов граждан от государства выросла: в 2000–2008 годах доля социальных выплат в доходах составляла 13,5 процента. Ее рост произошел прежде всего за счет последовательного сокращения доли доходов от предпринимательской деятельности: с 15,4 процента в 2000 году вдвое до 7,8 процента по итогам 2014 года¹⁸.

Согласно докладу РАН, социальное расслоение в России между 10 процентами наиболее богатого населения и 10 процентами наиболее бедного в 2013 году достигло 16:1 (критическое значение этого показателя составляет 8–10:1). За 20 лет этот показатель увеличился в 4 раза. У 73 процентов работников российских предприятий заработная плата ниже средней заработной платы по России¹⁹. В России, по итогам 2015 года, покупка жилья в ипотеку (речь о двухкомнатной квартире в 54 квадратных метра) была недоступна для более 86 процентов населения²⁰.

Заниженные заработные платы — распространенное явление в таких отраслях, как сельское хозяйство (24,4% занятых в секторе получают зарплату ниже прожиточного минимума), образование (23,7%), деятельность организаций отдыха, развлечений, культуры и спорта (20,6%), предоставление коммунальных и социальных услуг (20%). Таким образом, бедный по Росстату — это в основном семейный человек с детьми, вынужденный работать в силу разных причин на низкооплачиваемой работе.

Бедность становится не просто явлением одного года, когда ухудшается уровень жизни в целом по стране. Она приобретает характер длительный: работу быстро не сменить, качественное образование для получения более престижной работы требует 2–4 года, а на образование нужно еще заработать. Воспитание ребенка со всеми текущими расходами занимает

¹⁸ По итогам первого полугодия за чертой бедности оказался каждый седьмой россиянин. Цитируется по: Рамблер. Финансы (ru-Ru). Рамблер. Финансы // <https://finance.rambler.ru/news/2015-9-9/za-chertoi-bednosti-okazalsia-kazhdyi>.

¹⁹ Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. Под редакцией академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. Цитируется по: </news/shownews.aspx?id=4f0a07fe-8853-4eda-9428-574f5fcf0654>.

²⁰ Велесевич С. Ипотека оказалась доступной для 13 процентов российских семей. Подробнее см. на РБК: <https://realty.rbc.ru/news/577d17489a7947e548ea4a09>.

Ипотека оказалась недоступной для 81 процента россиян. Цитируется по: </2012/04/27/mortgage>.

20–23 года. Таким образом, бедность становится явлением постоянно присутствующим, затягивающим в круг нищеты²¹.

В упомянутом исследовании Института социологии РАН отмечается, что если десять лет назад плохо обеспеченные люди еще тешили себя иллюзиями, что их проблемы временные, то в последние годы резко увеличилось число тех, кто сам признает себя обитателем «дна». Исследователи отмечают, что в длительной («хронической») бедности россиян есть своего рода «точка невозврата», после которой человек теряет надежду на перемены к лучшему — это в среднем три года, прожитых в таком состоянии²².

Небольшое отступление со ссылкой на отечественную прессу. Идея откладывать сверхдоходы от нефти и газа в отдельную «кубышку» реализована как в России, так и в Норвегии, но результаты сильно отличаются. Размер фонда национального благосостояния Норвегии 19 сентября 2017 года превысил 1 трлн долларов, поставив абсолютный мировой рекорд суверенных фондов. Суммарный размер Российского резервного фонда и Фонда национального благосостояния (ФНБ) на 1 сентября был в десять с лишним раз меньше — 92,4 млрд долларов (данные Министерства финансов России).

Создание фонда норвежцы начали раньше — в 1996 году, когда нефть марки Brent стоила 20,5 доллара за баррель (седьмая часть тонны), Россия чуть позже — в 2004 году с ценой 38,3 доллара за баррель. Но нефти в России в абсолютных количествах добывается больше: в 2016 году — 554 млн тонн против 90 млн тонн у Норвегии. Да, население Норвегии составляет 5,2 млн человек, России — 147 млн, следовательно, по добыче в пересчете на душу населения Норвегия сильно опережает Россию: 17,2 тонн на человека у них против 3,78 тонн у нас. Но вся нефть Норвегии добывается на шельфе в тяжелейших условиях, поэтому средняя себестоимость добычи нефти в Норвегии — около 30 долларов за баррель, в России — 18 долларов.

Как при более тяжелых условиях добычи, более высокой себестоимости норвежским властям удается приумножать природную ренту, а российским — нет? Оба фонда создавались в условиях профицита бюджетов и формально были резервом на случай изменения конъюнктуры рынка углеводородов и падения доходов бюджета. Но если в России таким описанием функционал фонда и ограничивался, то Норвегия с самого начала заявила, что это — накопления для будущих поколений, которым предстоит жить тогда, когда запасы иссякнут.

Роль нефтяных денег в экономиках двух стран принципиально разная. Норвегия — один из передовых экспортеров оружия по выручке на душу

²¹ Кравченко Л.И. Бедность в России: не 20, а 70 миллионов россиян // <http://rusrand.ru/analytics/bednost-v-rossii-ne-20-a-70-millionov-rossiyan>.

²² Социологи РАН выяснили...

населения и современных технологий. У России природная рента — основа бюджета. Заимствования из норвежского фонда на текущие нужды ограничены 3 процентами (раньше было 4%) и, вероятно, будут урезаться и дальше. Расходы возможны только из инвестиционной прибыли, которая сейчас дает половину доходов фонда (нефтяная рента — 45%)²³.

Кстати, Российская Федерация, занимая первое место среди стран мира по территории и 9-е по числу населения, находится на передовых позициях по многим видам природных богатств: 1-е место по лесным ресурсам; 2-е — по запасам пресной воды; 8-е — по доказанным запасам нефти; 2-е — газа; и так далее.

В то же время по оценкам различных авторитетных международных организаций и средств массовой информации по итогам 2015 года экономика России заняла:

- 15-е место по размеру ВВП;
- 47-е — по расходам на образование;
- 91-е — по расходам на здравоохранение;
- 45-е — по глобальной конкурентоспособности;
- 153-е — по индексу экономической свободы;
- 120-е — по продолжительности жизни при рождении;
- 168-е место — по контролю коррупции;
- 148-е — по индексу свободы от коррупции;
- 36-е из 173 стран — по индексу восприятия коррупции (чем меньше, тем хуже);

2-е из 23 стран — по индексу «блатного капитализма» журнала (рейтинг по числу миллиардеров в отраслях экономики, сильно зависящих от государства);

по качеству государственного управления по всем показателям Россия находится отрицательной зоне;

132-е из 167 — по индексу демократии;

наконец, 148-е место из 177 — по индексу свободы прессы²⁴.

Можно и не обращать внимания на подобные рейтинги, к тому же многие из них в достаточной степени субъективны или даже политизированы. Но если даже воспринимать их «кривыми зеркалами», то о том, что они показывают, стоит призадуматься. И попробовать сопоставить с тем экономическим неравенством, о котором предупреждают отечественные специалисты, и которое, воспринимаясь исключительно как вопиющая несправедливость, во всех случаях является одной из основных причин недоверия в обществе.

Думаю, нет смысла задавать риторические, а тем более, конкретные вопросы как по поводу бедности и экономического неравенства

²³ Рувинский В. Почему Россия не Норвегия. Ведомости. 19.09.2017.

²⁴ Россия — позади планеты всей. Профиль. 14.06.2016. Цитируется по: <http://www.profile.ru/economics/item/107590-rossiya-pozadi-planety-vsej>.

в России, так и ситуации с природной рентой. Ответы на эти вопросы специалистам давно известны, а рецептов, вполне реальных и действенных, — как исправить положение, — просто не счесть. Но прямая связь между названными проблемами и низким уровнем доверия в российском обществе очевидна. Необходимо понимание того, что с одной стороны, доверие в широком смысле слова (как социальный капитал) являет собой значительно большее богатство для страны, чем многое из материальных факторов, с другой — требует более основательных вложений — духовных, моральных, временных и так далее, чем в экономику и политику. «Социальный капитал, требующийся для создания такой моральной общности, в отличие от других форм человеческого капитала, невозможно получить как отдачу от того или иного рационального вложения. «Вложиться» в то, что обычно называется человеческим капиталом — в высшее образование, в получение профессии механика или программиста, — достаточно просто, человек лишь должен пойти учиться в соответствующее учебное заведение. Напротив, приобретение общественного капитала требует адаптации к моральным нормам определенного сообщества и усвоения в его рамках таких добродетелей, как преданность, честность и надежность. Более того, прежде чем доверие сможет стать обезличенной характеристикой группы в целом, она должна иметь некоторые нормы, общие для всех ее членов. Иными словами, социальный капитал не может стать результатом действий отдельного человека, он вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными. Склонность к социализированности усваивается куда труднее, чем другие формы человеческого капитала, но, поскольку в ее основе лежит этический навык, она также труднее поддается изменению или уничтожению»²⁵.

Иначе говоря, доверие, как социальный капитал, долговечно и способно определять перспективу как всего общества, так и отдельных личностей. Это некий вид самоконтроля, исходящего из сущности индивидуума, который ориентирован как на самого человека, так и в целом на общество.

Еще одно замечание по поводу экономического неравенства в российском обществе. Может быть, есть смысл, нет, не для повышения доверия к выборам, не для консолидации общества, не для того чтобы отнять и разделить, а ради обычной прагматики и банальной целесообразности или просто для эксперимента, то есть любопытства ради, или с учетом того, что Россия обозначает себя как социальное государство (ст. 7 Конституции Российской Федерации) хотя бы попытаться положить на одну чашу весов интересы 1 (одного) процента населения, владеющего 74,5 процента благосостояния страны, о которых шла речь в начале раздела, а на другую — интересы остальных 99 процентов?

²⁵ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 52.

Доверься мне, и я научу тебя доверию

В предисловии к русскому изданию своей книги «Доверие: История» британский специалист Джеффри Хоскинг, в 1960-е годы стажировавшийся в Советском Союзе, пишет, что структуры доверия в СССР «были связаны с политическими, полицейскими и культурными критериями». Автор говорит о таких критериях, как знание русской и мировой культуры, особенно литературы, когда как в Британии того времени подобные структуры «основывались совсем на другом: на классовом положении человека, на его произношении (подчеркнуто региональный или нестандартный акцент связывался с низким социальным статусом). ...Политические мотивы тоже играли роль, но далеко не такую существенную, как в Советском Союзе» (С.7)²⁶. Думаю, различие в месте политики в основах структур в указанных странах понятно: Советский Союз в 1960-е годы продолжал формироваться как государство, и внимание к политическим моментам (а полицейские критерии — их продолжение) вполне естественно, а Британия была сложившейся страной со всеми атрибутивными институтами, в остальном, как видно из цитаты, разницы между структурами доверия в Союзе и Британии практически нет. И там, и там — культура, возможно, в разных проявлениях и деталях. «Советская власть создала свои заместители семейным связям. Пионерская организация, комсомол, партячейка формировали в СССР новую культуру доверия. Какое-то время все эти механизмы работали сравнительно успешно, хотя мощный удар по этой культуре был нанесен уже репрессиями 30-х годов, когда вдруг выяснилось, что даже близкий товарищ по партии вполне может донести на тебя в органы. Что же касается эпохи 1970–1980-х годов, когда всякие иллюзии, связанные с построением нового светлого мира, совершенно рассеялись, то она практически полностью похоронила остатки всякой коммунистической этики»²⁷.

Уровень доверия, о котором идет речь у Дж. Хоскинга в отношении Советского Союза, не совсем тот, что может оказать серьезное влияние на состояние общества. Это, скорее, некие правила, чем вопрос доверия. А британский ученый считает явление «доверие» существенным (иначе бы не взялся за достаточно серьезную работу на эту тему): «Особенности формирования доверия и недоверия в любом обществе предопределяют многое в его жизни. Осмелюсь сказать, что это не менее значительный фактор, чем власть» (С.7). Неслучайно, он заканчивает предисловие на тревожной ноте: «На Западе мы все больше ощущаем «кризис доверия». Растущее недоверие к политическим, экономическим и профессиональным

²⁶ Здесь и далее текст раздела построен (там, где нет специальных сносок) на основе книги: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. В скобках указаны страницы.

²⁷ Травин Д. «Ребята, давайте жить дружно» / Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 719–720.

элитам усиливается во всех европейских странах. Его драматизировало решение британского народа начать выход из Европейского Союза. Если мы не будем беречь те связи доверия, которые укрепляют внутренние структуры наших обществ, как и связи между нашими странами, то последствия могут быть страшные — о чем русские могут рассказать убедительнее, чем большинство европейских народов» (С.7).

Откровенно говоря, эту цитату я привел ради последнего предложения. Народы России (как и, кстати, народы всего постсоветского пространства), действительно, могут сказать о необходимости доверия между людьми больше, чем многие другие народы, но, к сожалению, сегодня им самим не везде и не совсем хватает доверия, чтобы определиться с важнейшими явлениями собственной жизни.

«Применительно ... к вопросу о доверии можно отметить, что в ходе российской модернизации были успешно (если можно так выразиться) разрушены многие традиционные семейные связи. Прекратили свое существование старые купеческие и даже кулацкие семьи, десятилетиями накапливавшие как материальный, так и социальный капитал. Индустриализация вывела из деревни на различные «стройки века» молодежь, оторвавшуюся тем самым от своих корней. И, наконец, остатки некогда больших семей затерялись в малогабаритных квартирах, разбросанных по различным концам гигантских мегаполисов»²⁸. Иначе говоря, ментальность советских людей раз за разом, то модернизациями и реформами, то революциями и войнами подвергалась едва ли не перманентным испытаниям. Естественно, общество не успевало среагировать на подобного рода вызовы и в буквальном смысле катилось по наклонной плоскости, теряя навыки и привычки межличностного, межобщинного и межкультурного общения, заменяя одни формы взаимоотношений на другие, — порой совершенно незнакомые.

«Западный мир переживает кризис доверия. Некоторые из несомненных истин, на которых до недавнего времени базировалась наша жизнь, внезапно перестали казаться такими уж несомненными» (С.8). «В сентябре 2013 года только 46 процентов граждан США, опрошенных Институтом Геллапа, доверяли суждениям государственных лиц, и всего 19 процентов — своим представителям в Конгрессе»²⁹. Еще более удручающее впечатление производят результаты опроса Института международных исследований рынка и общественного мнения (Market and Opinion Research International, MORI) в феврале 2013 года: 18 процентов британских граждан верят, что политики говорят правду, это даже меньше доли тех, кто верит агентам по недвижимости (24%), журналистам (21%) и банкирам (21%). Цифры плачевные для профессий, которые требуют общественного доверия»³⁰.

²⁸ Травин Д. Указ. работа. С. 719.

²⁹ www.gallup.com/poll/164678/political-trust-american-people-new-low.aspx (дата доступа: 11 ноября 2013). Цитируется по Хоскиннг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 9.

³⁰ www.ispos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3133/Politicians-trusted-less-than-estate-agents

Здесь мы не только не отстаем, но и можем фору дать западному миру. «В сентябре установлен абсолютный рекорд недоверия граждан к освещению экономических проблем в СМИ. Сегодня 65 процентов россиян говорят, что медиа «неполно освещают ситуацию в российской экономике». На максимуме также находится общий показатель недоверия населения к отечественным СМИ — телевидению, радио и газетам. При этом в «карте страхов россиян» на первом месте с заметным отрывом находятся именно экономические проблемы — рост цен, потеря сбережений и недоступность привычных товаров. Россияне словно не замечают рапорты чиновников о победе над инфляцией. Или даже игнорируют их, показывают социологические опросы. Текущие темпы роста цен, по официальной информации, находятся в России на историческом минимуме (ВЦИОМ). Не менее примечательным оказался и опрос фонда «Общественное мнение» (ФОМ), который оценивал доверие россиян к СМИ вообще и к освещению ими экономических проблем в частности. В сентябре, по данным ФОМ, около 65 процентов россиян заявили, что «российские СМИ — телевидение, радио, газеты — неполно освещают ситуацию в российской экономике». Это рекордный показатель со времени кризиса 2008 года. При этом больше половины граждан (51%) вообще не доверяют российским СМИ. Это также рекордный показатель за время наблюдений. Таким образом, похоже что «холодильник начинает побеждать телевизор» и россияне отворачиваются как от экономической пропаганды, так и от экономической информации»³¹. Но СМИ, как правило, не придумывают новости, а всего лишь воспроизводят то, что говорят, в частности, политики и чиновники. То есть опосредованно недоверие российского общества направлено и к источникам новостей.

Хоскинг абсолютно прав, когда говорит: «Доверие — жизненно важный ингредиент в паутине взаимозависимости. Если мы не можем доверять работе наших государственных институтов, качество социальной жизни ухудшается. Общее социальное доверие, опустившись до определенной точки, затем падает стремительно и опасно. Люди переориентируют свое доверие на низшем уровне, отдавая его лидеру своей партии, фракции, религиозного или национального движения — а может быть, и вооруженным силам, связанным с такими движениями. И мы вступаем в гоббсовскую вселенную, где социальный мир, если и можно сохранить, то лишь с помощью властного авторитарного правительства» (С. 12–13). Иначе говоря, сужение сферы социального доверия не останавливается на нижней точке («царь хороший, бояре плохие»), а может катиться дальше вниз. «Доверие и недоверие — неотъемлемые черты любого человеческого общества, но их характер и контекст меняются в ходе социальных изменений» (С.13).

bankers-and-journalists.aspx (дата доступа: 10 сентября 2013). Цитируется по Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 9.

³¹ Сергеев М. Холодильник начинает побеждать телевизор. Независимая газета. 28.09.2017.

«Люди обычно питают доверие к тем или иным символическим системам, доктринам и связанным с ними институтам... Чем более всеохватывающий характер носит религия, тем горячее доверие к ней. ...Доверие весьма заразительно, преданность вере одних людей, их готовность жертвовать собой ради нее привлекает к ней и других» (С. 33). Но проблема в том, что «Недоверие столь же заразительно, как и доверие: едва начав наступление, оно распространяется так стремительно и с таким кумулятивным эффектом, что индивидуальные акторы почти не находят возможности ему сопротивляться. И доверие, и недоверие развивают собственную динамику, которая может захватить целые общества» (С. 33–34). Как отмечалось выше при рассмотрении ситуации в благополучных Скандинавских странах, «Конфигурации доверия не менее важны, чем конфигурации власти. Доверие и недоверие — часть глубинной «грамматики» любого общества. Наше отношение друг к другу, доверие или недоверие, определяет многое в нашем социальном поведении. Чтобы принимать решения и действовать в реальной жизни, мы нуждаемся в доверии к другим людям, к институтам, да и просто к будущему» (С.36).

Общество — более сложная и менее предсказуемая структура, чем власть и государство, следовательно, и «Механизмы доверия (присущие обществу — *И.Г.*) куда менее очевидны и труднее поддаются выявлению, чем механизмы власти» (С. 36). У Хоскинга есть два термина, которые не столь подробно описаны, как они того заслуживают, но одним своим наличием наводят на весьма серьезные размышления: «обязательное доверие» и «вынужденное доверие» (С. 39). Оба термина достойны отдельных исследований, мы же скажем только одно: обязательное доверие касается личного круга индивида (семья, ближайшее окружение, убеждения и так далее), вынужденное — обращено в социальную сферу (общественные и властные институты и структуры). И в первом, и во втором случаях человек находится перед довольно узким выбором, расширять который если и возможно, то только посредством некоего внутреннего «диссидентства» или реальных конфликтов и противостояний (то есть, все та же «гоббсовская вселенная»).

Кроме того, что каждый из нас является членом общества, но еще и принадлежит к тем или иным референтным группам — этническим, социальным, культурным, профессиональным и так далее, что в неменьшей степени определяет вид, форму, уровень, качество нашего доверия, чем наши личностные предпочтения. «Решение о том, кому доверять, мы принимаем индивидуально, но поскольку мы — существа социальные, то на эти решения глубокое влияние оказывают нормы и ожидания общества, в котором мы живем. Социальные детерминанты доверия имеют важное значение, и притом не всегда очевидны» (С. 38). В зависимости от условий и ситуаций (например, вполне возможен внутренний или открытый отказ от референтной группы) человек мо-

жет выбрать различные социальные детерминанты, как опоры своего доверия.

Дж. Хоскинг определяет доверие, как чувство, ощущаемое как надежность и безопасность, когда как недоверие порождает неуверенность, подозрения, дурные предчувствия, страх, несвобода, вынужденное действие против собственной воли; как позиции, выражающаяся в устоявшемся мнении об объекте, мире, людях, событиях, в умонастроении, взглядах, точке зрения, когда недоверие проявляется в неустойчивости данной позиции; как отношение к окружающим — человеку, коллективу, институтам, заключающееся в непрерывном взаимодействии. Эти три аспекта доверия подразумевают социальный контекст, связаны с поведением и действием (или потенциалом для действия), и посредством поведения и действия индивидуума влияют на функционирование общества (С. 42–43). Он приводит классификацию Макса Вебера социального действия, как иллюстрацию отдельных видов доверия: целеориентированное — мы доверяем тем, с кем сотрудничаем в достижении общей цели и в ком уверены; ценностно ориентированное — доверяем, потому что верим в добродетель объекта доверия исходя из общих с ним ценностей; аффектуальное — доверяем, потому что любим; традиционное — доверяем тем, к кому привыкли, или велит доверять обычай. На типы доверия указывает и веберовская классификация типов легитимности власти: традиционное — доверяем лидерам и институтам, к которым привыкли; бюрократическое — доверяем стабильным институтам, функционирующим с доказанной компетентностью и в соответствии с четко установленными правилами; харизматическое — доверяем лидерам за их личные качества, «благодать», которую им приписываем³². Надо сказать, что классификация Вебера учитывает и многие моменты, связанные с принадлежностью индивида к референтным группам.

Эмиль Дюркгейм обратил внимание на моральную сторону доверия как явления и в отличие от Огюста Конта и Герберта Спенсера не верил, что индивидуальная рациональность может привести к социальной гармонии. Любой социум, утверждал он, является «нравственным обществом, и состояние порядка... среди людей не может быть следствием каких-то абсолютно материальных причин, какого-то слепого механизма: «Это нравственная задача»³³— говорил он. Действительно, взаимное доверие в обществе (или просто между людьми) способно возникнуть (именно так!) в самые тяжелые времена и самых трудновыносимых условиях, и раствориться в благополучные с материальной точки зрения периоды. Доверие советских людей к самим себе, к обществу в целом и к власти, дремавшее в относительно сытые «застойные» времена, воспряло с наступлением полных драматизма и всевозможных материальных, моральных,

³² Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 46–47.

³³ Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 47.

бытовых проблем перестроечных лет. Невиданная эйфория, охватившая народы Советского Союза в конце 1980-х — в самом начале 1990-х годов, оставшихся в памяти большинства граждан в первую очередь пустыми прилавками и непонятной внутренней и внешней политикой государства, в ожидании «свободы» (которая чуть ли ни каждым индивидом воспринималась по-своему)³⁴, в буквальном смысле пропитанная доверием как внутри общества, так и власти настолько, что иногда выглядела как массовое породнение, на всем постсоветском пространстве так же невиданным образом растворилась, столкнувшись с обыкновенной некомпетентностью и ложью новых «независимых» властей.

Георга Зиммеля (1958–1918), как и Дюркгейма, занимала сложность современного общества. Придерживаясь собственной интерпретации идеи Адама Смита о «невидимой руке рынка», он полагал, что «Без общего доверия, которое люди питают друг к другу, само общество распалось бы, ибо очень немногие отношения полностью основаны на том, что достоверно известно о другом человеке, и очень немногие отношения сохранились бы надолго, если бы доверие не имело такую же силу, как рациональные доказательства или личные наблюдения, а то и больше»³⁵. В своем крупнейшем социологическом труде «Философия денег» (1900) Г. Зиммель утверждал, что деньги существуют для того, чтобы фиксировать эту предрасположенность к доверию, делать ее экономически эффективной и, таким образом, смазывать механизм обмена. Он прямо сравнивал доверие к деньгам с верой в Бога: экономический кредит содержит элемент этой сверхтеоретической веры, так же и как уверенность, что сообщество гарантирует валидность символов, на которые мы обмениваем плоды своего труда»³⁶. Деньги, так же как легитимная власть (и зачастую в партнерстве с ней), расширяют радиус доверия. Они позволяют нам доверять большому количеству разных людей, о которых мы знаем мало или не знаем ничего. По этой причине, указывал Зиммель, «они особенно полезны маргинализированным группам общества, которые в других отношениях доверие не вызывают: армянам в Турции, парсам в Индии, евреям практически во всей Европе»³⁷. Возможно, и так. Но нам, столкнувшимся с той «невидимой рукой рынка» исключительно со стороны ее «локтя», трудно судить об этом, хотя рациональное зерно здесь просматривается. Но, на мой взгляд, для того чтобы «рука рынка» (посредством денег или как-то иначе) вызывала доверие или даже работала на становление доверительных отношений между людьми, рынок должен обладать,

³⁴ Даже всевозможные межнациональные конфликты содержали в себе элемент эйфории, то есть нередко люди и конфликты воспринимали как шаг к решению проблем.

³⁵ Simmel G. *The Philosophy of Money*. London. Routledge, 1978. P. 178–179. Цитируется по: Хоскинг Дж. *Доверие: История*. М., 2016. С. 48.

³⁶ Там же. С. 48.

³⁷ Там же. С. 49.

пусть даже максимально свободным, но порядком, опирающимся как на мораль, так и на закон.

Обществу приходится очень трудно, можно сказать, что оно подвергается психологическим и нравственным травмам, когда доверие используется как элемент политических технологий, особенно, когда это происходит в широком смысле — в государственных масштабах. Чешский социолог Иванна Маркова объясняла высокий уровень социального недоверия при социализме советского типа тем, что в тоталитарных обществах социализация недоверия является базисом: регламентация всего публичного лишает человека «доверия к словам, коммуникации и другим людям»³⁸. Недальновидное государство, воспринимая доверие как инструмент управления, становится, условно говоря, тем мальчиком, который в забаву призывал на помощь криками «Волки! Волки!». При подобном подходе к доверию оно легко превращается в собственную имитацию, тогда внутренние конфликты, а то и глубинные тектонические разломы общества происходят незаметно (до поры до времени, конечно) как для самого общества, так и для государства. С данной точки зрения Барбара Миштал права, считая, что память нуждается в регулярном мониторинге и корректировке, иначе ею слишком легко манипулировать беспринципным политическим лидерам, а это в дальнейшем рождает мощное недоверие³⁹. Только это «мощное недоверие» необязательно может быть вопиющим и даже заметным.

Польский социолог Петр Штомпка выделяет четыре условия «культуры доверия»: 1. Нормативная связность: сочетание закона, морали и обычая, устанавливающих набор норм, которые позволяют людям доверительно общаться и работать друг с другом и в рамках которых доверие, как правило, неререфлексивно; 2. Стабильность. Первое условие станет действовать эффективнее, если будет существовать долго, а изменения — происходить постепенно и в одном направлении. При таких обстоятельствах доверие в повседневном взаимодействии не нуждается в расчетах и может оказываться по привычке. В периоды быстрых социальных перемен человек не знает, чего ждать от других людей, и доверие требует гораздо больше сознательного расчета; 3. Открытость. Важно, чтобы общественные и правительственные структуры были как можно прозрачнее, чтобы люди имели информацию о том, как они функционируют, как взаимодействуют их компоненты. Там, где масса информации засекречена или слишком сложна для понимания, доверие вряд ли возникнет, будут процветать слухи, сплетни и «теории заговоров». 4. Ответственность. Если дела идут плохо,

³⁸ Watier P. Markova I. Trust as a Psychosocial Feeling: Socialization and Totalitarianism // Trust and Democratic in Post-Communist Europe / ed. I. Marcova. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 25–46. Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 49.

³⁹ Misztal B. Trust in Modern Societies. P. 139–156; Misztal B. Theories of Social Remembering Maidenhead: Open University Press. 2003. P. 25–46. Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 50.

что бывает даже в обществах с высоким уровнем доверия, важно, чтобы люди были способны понять, кто несет за это ответственность, призвать его к ответу и по возможности получить возмещение ущерба. Это гарантия того, что властью не будут регулярно злоупотреблять и обязанности, как правило, будут исполняться⁴⁰.

Надо понимать, что доверие — важнейший социальный ресурс не только для отдельных личностей или всего социума, оно в значительно большей мере является социальным, моральным и духовным капиталом как в целом для государства, так и его различных структур. Это надо понимать еще и с учетом того, что стены домов, в которых обитает власть, становятся все прозрачнее, сначала благодаря телевидению, а теперь, и в значительно большей мере, интернету. Она все сильнее теряет таинственность, а то и сакральность (точнее, ее остатки). Вынужденно сбрасывая «белые одежды» и все больше оголяясь, она, мягко говоря, не всегда радует публику красотой «совершенного тела» и чистотой «нижнего белья». Управлять обществом с помощью практически неприкрытых «грязных» технологий становится сложнее, заслуживать, зарабатывать, сохранять доверие общества — труднее. Трансформация заработанного доверия в собственный ресурс требует все больше *интеллекта*. «Традиционные СМИ, включая телевидение, постепенно теряют влияние на общественное мнение. Все уходит в социальные сети, в блоги, видеоблоги. Главными каналами коммуникации и доставки информации, конечно, потихоньку становятся сетевые СМИ», — отмечает заведующий кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы Андрей Новиков-Ланской. Причин рекордного недоверия к СМИ эксперт видит несколько. Среди них и «проблема качества с экономической журналистикой, которой занимаются либо *журналисты без специального экономического образования*, либо *экономисты, которые не очень хорошо владеют навыками журналистики* (курсив мой. — И.Г.)⁴¹.

Ода выборам

Человечество имеет в своем распоряжении не так много средств для достижения совершенства: в первую очередь, это конечно, разум, далее свобода, правда, любовь, ответственность и все отсюда вытекающее. Нет смысла говорить о том, на каком расстоянии мы находимся от совершенства на сегодняшний день — это тема другого разговора. Скажем одно: путь к совершенству пролегает, в том числе, через улучшение самоорганизации человечества, то есть через совершенствование власти.

⁴⁰ Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 122–125. Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 50–51.

⁴¹ Сергеев М. Холодильник начинает побеждать телевизор. Независимая газета. 28.09.2017.

К сожалению, в данном вопросе человечество особых успехов не достигло. На сегодня для улучшения власти мир располагает очень небольшим набором инструментов. И главный из них — выборы: изобретение, которое позволяет Человеку по-настоящему влиять на Власть; практически единственная возможность полноценного диалога Гражданина с Властью; выборы, но только в качестве проявления коллективной мудрости; никак иначе, ни как технология, ни как ритуал, ни как монолог власти с поддакиванием народа; и ни как возможность одурачивания граждан.

Сколько бы мы ни говорили о демократии, на кого бы ни ссылались, кому бы ни подражали, никуда нам не деться от ее сути: это власть народа, то есть власть каждого гражданина, так как народ может состоять только из граждан, иначе это — толпа. Власть же, выбираемая народом — исполнитель воли народа, и не более того. Это власть существует ради народа, а не наоборот, что, конечно, в интересах народа, но не в меньшей мере и в интересах власти, так как она является (по крайней мере, должна являться) частью народа. Это государства создаются народами для обеспечения более удобной жизни, а не наоборот. По этим простым причинам власть должна быть кровно заинтересована в подлинной демократичности выборов.

Проблема выбора напрямую связана с проблемой свободы. Есть выбор — есть свобода. И наоборот: есть свобода — есть выбор. Одно без другого невозможно. Выбор может быть только свободным, иначе это все что угодно, только не выбор. Это — что касается просто выбора как такового. Что же касается выборов власти, то независимо от уровня, это — проблема многоаспектная. Понятие «выборы» само по себе предполагает наличие альтернативы. Так называемые безальтернативные выборы — абсурд, и ничего больше (что-то вроде «управляемой демократии» или «демократической диктатуры»). Но безальтернативными выборы могут быть и при наличии сотен кандидатов: а) если эти кандидаты навязаны; б) если они выражают одну и ту же точку зрения; в) если выборы проводятся ради выборов.

Выборы — тонкая материя: они теряют свои основные свойства от малейшей фальши. Как только в процесс выборов включается ложь, они перестают быть выборами. Они не терпят несерьезного отношения к себе, особенно со стороны избирателя, то есть главного участника выборов. В данном случае несерьезное отношение граждан может быть основано как на доверчивости (в вышеприведенном понимании), так и на недоверии.

Выборы — процесс цельный. Любой этап этого процесса напрямую связан с конечным результатом. Если в предвыборной борьбе используются «грязные» технологии, то и результаты выборов не могут быть свободны от «грязи». Избирателя, поддавшегося уговорам или подкупу при выборе, ждет власть, способная на подкуп и взятки.

Выборы — полное понимание личностью взаимосвязи между своей гражданской позицией и собственным будущим. Если суть выборов не ясна большинству избирателей и власть воспринимает это как благо, то есть, как возможность своевластничать, то выборы становятся инструментом обмана.

Выборы — огромная ответственность, что не исключает свободу личности. Свобода должна базироваться на ответственности, иначе это своеволие. С выборами нельзя бездумно экспериментировать, здесь необходим трезвый ум, ясное понимание всей важности твоего голоса. Ошибка в выборе делает вероятной еще большую ошибку, ведет к непредсказуемым последствиям.

Наконец, выборы имеют огромное воспитательное значение в целом для всего общества. Совершенствуясь в выборе, общество совершенствует власть, и чем ответственнее оно относится к выборам, тем лучшую власть получает.

Если представить политическую систему демократического государства как некое здание, то выборы — это как минимум элемент фундамента, часть основы, на которой стоит сама система. Допуская использование лжи в том или ином виде, более того, равнодушно взирая, как ложь становится основным средством предвыборных технологий, мы подрываем основы собственного государства.

Выборы — дело дорогостоящее, но неверный выбор обходится еще дороже. Мы допустили достаточно ошибок, чтобы уже начать на них учиться. Хочется верить, что наше общество достаточно зрелое, и обязательно придет к пониманию того, что между тем, кого мы выбираем, и тем, что имеем, существует более чем прямая связь⁴².

Необходимо обратить внимание (возможно, и вовсе на ней сосредоточить внимание) на многоаспектность выборов. Выборы как явление содержат в себе столь много самого разного рода факторов, порой весьма противоречивых, сложных, многослойных, касающихся одновременно едва ли не всего, что человека окружает, и даже всего, из чего человек в духовном, моральном, психологическом, иногда даже физическом смысле состоит, что предсказывать их итоги порой практически невозможно. Любые срезы общественного мнения или предварительные опросы могут дать лишь весьма приблизительное представление об электоральных настроениях. Как по глади моря невозможно определить состояние подводных течений, так и внешнему состоянию общества трудно узнать, как оно настроено в отношении ближайших выборов. Ведь человеческие предпочтения в отношении чего бы то ни было не всегда рациональны, Электоральный выбор в данном смысле ничем особенным не отличается. В той или иной степени предсказуемость электорального поведения общества способно обеспечить только взаимное доверие в нем, которое,

⁴² Гасанов И. Выбор власти как выбор будущего. Журнал о выборах. № 3. 2004.

как уже говорилось, в свою очередь, зависит от наличия, уровня, качества, совпадения множества факторов от исторических предпосылок и опыта до экономического равенства и социальной справедливости.

На чем основывается доверие к выборам?

Доверие — важнейший элемент выборов, оно не бывает абсолютным, но достаточно того, чтобы оно было взаимным как внутри социума, так и между обществом и властью. Оно — внешнее условие для выборов. Внутри выборов, где царят интересы, его практически нет. Качество доверия, с одной стороны, зависит от зрелости общества, с другой — определяет эту самую зрелость.

Если **доверие** индивида ограничивается мировоззрением и мироощущением его личности, то есть, если человек доверяет только самому себе, и большая часть социума состоит из таких людей, это говорит о разрозненности данного общества. «Если общество атомизировано до предела и в нем не существует никаких очагов зарождения культуры доверия, то ... в нем не может нормально развиваться экономика»⁴³. «Люди, друг другу не доверяющие, в конце концов смогут сотрудничать лишь в рамках системы формальных правил и регламентаций — системы, требующей постоянного переписывания, согласования, отстаивания в суде и обеспечения выполнения, иногда принудительного. Весь этот юридический аппарат, заменяющий доверие, приводит к росту того, что экономисты называют «операционными издержками». Другими словами, недоверие, распространенное в обществе, налагает на всю его экономическую деятельность что-то вроде дополнительной пошлины, которую обществам с высоким уровнем доверия платить не приходится»⁴⁴. Но экономика — это полбеда: в атомизированном обществе внутренний раскол проходит по конкретным людям, что говорит об отсутствии общества как такового — здесь каждый за себя⁴⁵.

⁴³ Травин Д. Указ. соч. С. 718.

⁴⁴ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 55.

⁴⁵ Здесь неслучайно упоминается экономика. Доверие — это еще и экономия средств. Журналист-международник Владимир Цветов описывая свою встречу с японским крестьянином, восторгался его доверием к поставщику сена: «Скажите, пожалуйста, где у вас склад для хранения кормов? — спросил я крестьянина, о хозяйстве которого снимал телевизионный репортаж. Хозяйство представляло собой два длинных одноэтажных сарая. В них содержались 50 тысяч кур-несушек. — Не вижу я и места, где вы держите снесенные курами яйца? — попытался я. — Зачем мне склад, если кормов — лишь суточный запас? — ответил крестьянин вопросом на вопрос. — Чем же вы собираетесь кормить кур завтра? — не унимался я. — Завтра корма привезет господин Хосода. Он специализируется на них, — сказал крестьянин. — А если не привезет? — предположил я. — То есть как не привезет? — переспросил крестьянин с интонацией, будто я усомнился в неизбежности восхода солнца. — Ну, вдруг умрет! — решил я смоделировать экстремальную ситуацию. — Жена господина Хосоды привезет. — Крестьянин говорил со снисходительной уверенностью гроссмейстера, разбирающего для любителя шахматную партию. — Жена будет хоронить мужа! — стоял на своем я. — Сын господина Хосоды привезет. — Для крестьянина это было очевидней таблицы умножения. — Сын уедет на похороны тоже! — Сосед господина Хосоды привезет. — У вас, что же, такой строгий подписан контракт с господином Хосодой? — спросил

Социум, состоящий из отдельных индивидов, не совпадающих между собой ни по интересам, ни по взаимному доверию, весьма доступен для любого рода (в том числе для электоральных) манипуляций. За неимением общей цели, индивиды голосуют, в лучшем случае, исходя из собственных интересов, в худшем — под воздействием тех или иных политических сил. Здесь роль доверия минимальна. Из-за его отсутствия между субъектами выборов избирательный процесс носит больше имитационный характер, чем реальный. Даже с соблюдением всех формальностей вплоть до организации жесткого наблюдения за голосованием (в том числе технического) как сами выборы, так и их результаты для социума если и имеют значение, то лишь формальное — это выборы, скажем так, «для галочки».

Если социальным горизонтом для индивида выступает **семья**⁴⁶, пусть даже в самом широком (но только в прямом) смысле слова, то доверие существует только среди родственно близких людей. И здесь трудно говорить о какой-либо сложившейся общественной структуре, способной на диалог. Все та же атомизированность, но несколько более широкого порядка, в определенном смысле слова закрывает людей в пределах семьи, так как именно доверие определяет уровень взаимоотношений. Семьи могут и договориться по какому угодно поводу, но любые договоры без взаимного доверия (даже между государствами) являют собой своеобразный «камень за пазухой».

Здесь технологии манипулирования волеизъявлением избирателей носят примерно такой же характер, как в предыдущем случае, но с изменением субъекта «торга». Технологические инструменты направляются на так называемых авторитетов, глав семей, родов, деревенских старост и так далее, имеющих влияние на индивидов. Ни о какой доверии к выборам здесь и речи быть не может, так как голосование носит «командный» или «казарменный» характер. Нередко подобное голосование объясняется (выдается, преподносится как) этническими, региональными, групповыми особенностями избирателей, но это не более чем лукавство в отношении выборов как политического института.

Доверие между **группами интересов**, мирное сосуществование которых базируется на краткосрочных или долгосрочных совпадениях целей и задач, и периоды взаимоотношений которых в отличие от внутрисемейных ограничены временем достижения общих целей, имеет вынужденно твердый характер. Здесь целесообразнее говорить не о внутреннем или межгрупповом доверии, а о доверии, опирающемся исключительно на временную

я.—Зачем нам контракт? — удивился крестьянин.— Господин Хосода,— разъяснил он,— пообещал мне привозить корма каждый день.—Ладно,— сдался я, но вспомнил, что в хозяйстве нет помещения для хранения и готовой продукции — яиц, и поинтересовался причиной этого.—Оптовая фирма забирает,— ответил крестьянин и, предвидя мои следующие вопросы, добавил: — Забирает каждый день и никогда не подводит. Забирает тоже без контракта». Цветов В. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. М.: Политиздат, 1986.

⁴⁶ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 546.

общность интересов. Если социум в своих действиях и развитии ограничен интересами подобных обществ, то и доверие в нем (в том числе к выборам) носит групповой характер. Так как группы интересов рассматривают и воспринимаяют любые выборы чаще всего через призму собственных целей, то и выборы в подобных обществах носят «целевой» характер и строятся на основе явных или неявных, сиюминутных или перспективных договоренностей. Если упрощенно, то примерно так: «Мы вас поддержим в выборах (в обеспечении позитивного или негативного голосования), если вы нас поддержите в получении тех или иных благ; мы вас поддержим сейчас, вы нас — потом» и так далее. Здесь выборы больше напоминают договорные матчи в спорте, чем реальное политическое действие.

Чаще всего современные общества состоят из систематизированных групп — **классов и страт** (К. Маркса еще никто не отменял), границы которых не всегда жестко очерчены. Обычно внутрисистемным доверием в них бывают охвачены широкие слои населения. Поэтому и в современных обществах значение доверия к выборам существенно возрастает. В случаях, когда внутриклассовое доверие способно разделить общество по строгим линиям, выборы носят более бескомпромиссный характер. И это несмотря на то, что интересы таких крупных сообществ нередко совпадают лишь в частностях: практически всегда находятся штрейхбрейкеры, которые, не обязательно действием, а очень часто всего лишь бездействием способны вносить раздор в общие принципы внутренних взаимоотношений. Но мы не о них, штрейхбрейкеры — всего лишь инструмент технологий, и если недоверие к власти или какой-то структуре приводит в действие целые классы и страты, то технологии часто оказываются бессильными — здесь уже приходится считаться и договариваться. Классам и стратам, как бы они не отличались между собой (страта — это своего рода мутация части класса), свойственна некая корпоративная солидарность, часто срабатывающая по принципу «свой-чужой». Классовое доверие практически равно общественному доверию, но только практически. Классу, а тем более страте, которых всегда можно обвинять в заикливании в корпоративных интересах, трудно на равных разговаривать с властью. Поэтому (и нередко) подобные диалоги сначала переходят во взаимные обвинения и крики, затем — скандалы, дальше — возможно и в нечто непредсказуемое. Здесь без взаимных претензий не обойтись. Но если классы и страты доверяют государству и власти, следовательно, выборам, то они на определенный период или на определенном этапе могут повести за собой значительную часть общества, объединить социум в отношении солидарного голосования. Только необходимо учесть, что такая форма доверия выступает как некий аванс и без соответствующей «подпитки», с одной стороны, недолговечна, с другой — легко превращается в свою противоположность — то есть, в недоверие.

Доверие в широком смысле — **общественное доверие** — как внутри социума, так и доверие общества к внешним факторам — к выборам, го-

сударству, власти, само по себе не появляется. Оно вырастает из истории народа, его культуры, национального характера, воспитания, условий, уровня и качества жизни, различного рода взаимоотношений, опыта и многих других факторов, и не может быть плодом одной только религии, экономики или чего-то еще. «Доверие ... есть продукт длительного существования сообществ, объединяемых набором моральных норм или ценностей»⁴⁷. Оно не насаждается и не внедряется, а если и завоевывается или заслуживается, то только в узком конкретном и субъективном смысле. Для того чтобы доверие стало одним из основополагающих факторов для развития страны и государства, его горизонты должны охватывать все общество. Невозможно добиться доверия к власти там, где разнятся интересы общества и государства. Доверие к техническим средствам голосования — не аналог доверия к выборам.

Зрелое общество, это уверенный в себе социум. Если исходить из этимологии слов «уверенность» и «доверие», зрелость социума, как уже выше было сказано, напрямую связана с доверием — как к себе, так и к другим. Доверие общества к выборам, по сути своей, зависит не от технического оснащения последних, не от количества видеорежиссеров и наблюдателей, и даже не от уровня организации избирательной кампании, хотя все перечисленное — важнейшие факторы укрепления доверия избирателей к избирательному процессу, а от качества сложившихся взаимоотношений, взаимопонимания, общности интересов и целей, уровня причастности членов общества к государственным делам. Путь к доверию к власти проходит через доверие к выборам. И доверие это тогда становится всеобщим и осознанным, когда избиратели, из которых в том числе состоит социум, могут подобно тем викингам, о которых выше шла речь, воскликнуть: «Мы все — короли».

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
2. Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016.
3. Кайбара Экиэн. Поучение в радости. Нисикава Дзёкен. Мешок премудростей горожанину в помощь / Пер. с яп. А.Н. Мещерякова. Сп Б., 2017.
4. Бут М. Почти идеальные люди: Вся правда о жизни в «скандинавском раю». М., 2017.
5. Гасанов И. Выбор власти как выбор будущего. Журнал о выборах. № 3. 2004.

⁴⁷ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 545.